– Может быть, он вас ударил, оскорбил? – Молодая, хорошенькая следователь прокуратуры заглядывала ей в глаза. – Ну, должна же быть какая-то причина вашего поступка!
Алина тупо разглядывала ее аляпистые акриловые ногти и молчала. Разве может эта благополучная женщина ее понять, да и как ей объяснить – нет таких слов. Она перевела взгляд на собственные руки: ссадины от наручников, царапины, под ногтями запеклась кровь. Его кровь.
Соседка по камере говорила, что Алину отправят на экспертизу в психушку и объясняла, как правильно «косить под ненормальную». Если удастся обмануть врачей, ее в тюрьму не посадят, будут лечить. А она больше прислушивалась к собственным чувствам. Ни страха, ни раскаяния – душа молчала. Может быть, она и в самом деле сошла с ума?
***
– Танька! Открывай дверь, а то убью! Танька-а! – вопли пьяного мужичка уносились далеко за пределы двора. Казалось, он не столько пытается докричаться до строптивой супруги, сколько упивается мощью звуков, извергаемых собственной глоткой.
Алина, не спеша, попивая кофе, наблюдала за тщедушным соседом из окна. Вечно навеселе, в неопрятных штанах, которые ему велики (может, за счет одежды не по размеру он хочет выглядеть солидней?), с растрепанными жидкими волосенками. Егоркин работал слесарем в местном ЖЭКе. Только что он яростно долбил кулаками в дверь своей квартиры и разбудил живущую рядом Алину. Не сумев пробить довольно хлипкую преграду, начал надрываться во дворе, посылая угрозы в немытые окна.
«Видимо, дома не ночевал, задохлик несчастный», – подумала Алина и стала собираться. Сегодня предстоял трудный день, хотелось хорошенько выспаться, но не получилось. Вообще все как-то сразу не заладилось. На юбке обнаружилось не замеченное раньше пятно. Пришлось надеть другую, которая не очень хорошо на ней сидела. Волосы никак не хотели укладываться. Повозившись с непокорной шевелюрой, стянула локоны в небрежный валик и заколола длинной острой спицей. Вообще-то это была палочка для еды, которую ей привез из Японии Вадим. Пользоваться подарком по назначению Алина так и не научилась, чем вызывала насмешки у возлюбленного, зато приспособила в качестве заколок для волос. Получилось красиво, Вадим одобрил.
Выходя из дома, она вспомнила, что не приколола любимую брошь, но возвращаться не стала – плохая примета. Во дворе все еще надрывался Егоркин. Запрокинув далеко назад голову, на которой смешно топорщились жиденькие волосенки, он мощно выводил проклятия в адрес своей Таньки. Так увлекся, что не заметил, как его супруга вышла из-за угла дома и, поставив под ноги тяжелую сумку с продуктами, шваркнула изо всех сил благоверного рукой по спине. Его как будто выключили. Он вообще исчез за ее мощной фигурой.
– Высокие отношения! – Крикнул дядька, выгуливавший своего спаниеля в скверике напротив.
Супруги не обратили на его реплику никакого внимания и мирно удалились восвояси.
Алина раздраженно повернулась на каблуках, сделала шаг и рухнула на асфальт. Вернее то, что осталось от когда-то ровного покрытия, теперь усыпанного многочисленными выбоинами. Руки и колени покрылись грязной сукровицей. Дядька хотел помочь подняться, но, глянув в Алинино лицо, предпочел отступить назад.
Она вернулась домой, перебрала нехитрый гардероб и пришла к выводу, что придется

натягивать джинсы. Колготки безнадежно пропали, а денег на другие нет. Классические брюки (на выход) она приобрести не успела.
На встречу с заместителем директора по кадровой работе банка «Камфин» успела вовремя. Холеный мужчина средних лет, источая запах приторно-сладкого одеколона, вежливо пригласил ее в кабинет. Он встал у двери и откровенно смотрел, как она идет к стулу, садиться. Выдержал паузу, чем заставил ее смутиться и спрятать расцарапанные руки за спину. Оставшись довольным произведенным на претендентку впечатлением, не спеша двинулся к своему столу и вальяжно развалился в кресле. Последовали обычные вопросы: образованнее, опыт работы на прежних должностях. Алина постепенно пришла в себя, осмелела и «села на своего конька» – в финансовой сфере она плавала, как рыба в воде.
Но профессиональные разговоры клерка не заинтересовали. С мнимой доброжелательностью он начал спрашивать, почему она уволилась с прежней работы? Почему в такие-то годы и с эдаким образованием не смогла сделать приличную карьеру? Разве она не знает, что сотрудники приличных офисов в джинсах не ходят? А знает ли она, что такое маникюр?
С нескрываемым удовольствием глядя, как меняется Алинино лицо, «джентльмен» небрежно поигрывал дорогой авторучкой. Тут она смалодушничала. Стала рассказывать этому самодовольному кретину, что на прежнем месте начальник настойчиво приставал с грязными предложениями, и она уволилась по собственному желанию, но как специалиста ее ценили. Что пришлось поработать на рынке, но квалификацию не потеряла, подрабатывала составлением финансовых отчетов для разных мелких фирмочек.
В глазах зама по кадрам отразилась скука, и он посмотрел на часы, давая понять, что разговор окончен. Спросить, подходит ли она на должность, Алина не решилась. Выходя из кабинета, заметила, как небрежно клерк бросил ее резюме в корзину для мусора.
На улице страшным усилием воли сдержала слезы, купила сама себе мороженое – непозволительная трата в ее теперешнем положении, и села на краешек грязной лавочки. От чего больше было обидно: что не взяли на работу или от унижения перед этим напыщенным индюком, она не знала. Необходимо отвлечься, не дать волю отчаянию. Перестать думать, что уже полтора года нет постоянной работы, она давно не покупала себе новую одежду, не была у хорошего парикмахера. Что жизнь не удалась, что, в конце концов, ей просто хочется есть. Она набрала на сотовом номер Вадима и сразу отключилась – нужно экономить деньги. Шло время, мороженое быстро кончилось, но любимый все не перезванивал. Они не встречались уже две недели. Может, у него что-то случилось, а она, увлеченная собственными несчастьями, даже не поинтересовалась, как у него дела. Оставшиеся на счету копейки уже положения не спасут, и она снова набрала номер Вадима. После долгих гудков он все-таки откликнулся.
– Я занят сейчас. Перезвоню позже. – В трубке послышался заливистый женский смех и Вадим, видимо, зажимая рукой телефон, стал говорить глуше. – Сейчас неудобно говорить.
– Мне очень нужно встретиться с тобой, сейчас, это очень важно. – Ее голос непроизвольно стал дрожать, послышались визгливые нотки. – Слышишь, ты мне очень нужен.

– Что ты так орешь, сказал, потом перезвоню.
Телефон давно потух, но она все прижимала его к уху, как будто Вадим мог опять откликнуться и сказать, что все это просто неудачная шутка, и он сейчас приедет к ней, и все будет хорошо. Постепенно пришло озарение, что все это пустые надежды. Нет ничего страшнее надежды, за ней приходит еще более страшное разочарование. В висках стучало: «Мне уже тридцать шесть. Я старая некрасивая дева. Меня не любят мужчины, и никто не хочет брать на работу. Свой красный диплом я могу выбросить на помойку. Я ничтожество в рваных колготках». Тяжелые обжигающие слезы побежали по лицу. Она шла, не разбирая дороги, наталкиваясь на прохожих, не замечая машин. Домой. Забиться в угол и никого больше не видеть.
– Че ревешь, дура! Хош, водки плесну? – кругленькие глазки Егоркина слегка слезились. Он искренне хотел утешить соседку. Как умел. Если бы он так сказал своей Таньке, она бы просто умерла от счастья.
Но лицо Алины некрасиво исказилось, и она вцепилась руками в эти самые ненавистные глазки. Это он во всем виноват, этот ничтожный человечишка. У него все в порядке, нет никаких забот. Это такие, как он заполняют мир, только едят, гадят и мешают жить другим. Сейчас я уничтожу его.
***
– Надо же, как мужика изнахратила. – Человек в джинсовом костюме, видимо, сотрудник уголовного розыска, склонился над трупом, разглядывая раны. – Чем это она его?
– Японской палочкой, – хрипловато откликнулся другой. – Представляешь, ребята из патрульно-постовой ее еле скрутили. Вдвоем разжимали пальцы. Сначала думали, что нож в руке. А потом, как увидели… Чего только не бывает.
– Какой еще палочкой? – Не понял первый.
– Ну, знаешь, на Востоке такими едят вместо ложек.
– Что он ей сделал?
– Свидетели говорят, ни с того, ни сего набросилась. Вообще баба нормальная, ни с кем никогда не скандалила.
Сначала в машине с решетками увезли затихшую Алину. Потом забрали тело Егоркина, которое сразу стало еще меньше, чем при жизни. Как будто только кровь, растекшаяся по асфальту огромной лужей, наполняла его. Позже кто-то засыпал страшное пятно землей.
Во дворе еще долго громко рыдала Танька, окруженная сочувствующими соседками.
– Какого человека загубила! Как мы с ним хорошо жили, душа в душу! Он же меня любил, пылинки сдувал!

Жанна БАКАЕВА